

ТЕАТР ШЕКСПИРА

Все три спектакля, привезенные Шекспировским мемориальным театром, — «Ромео и Джульетта», «Двенадцатая ночь», «Гамлет» — прошли перед глазами московских зрителей, и можно подвести некоторые итоги.

Назначение этого театра — знакомить широкие круги английских зрителей с творчеством великого Шекспира, хранить и развивать лучшие традиции английского театрального искусства, накопленные в работе над шекспировскими пьесами.

Трудно назвать имя драматурга, чье творчество, будучи связано с определенной эпохой и оставаясь глубоко национальным, было бы до такой степени общечеловеческим и так далеко выходило бы по значению за пределы своего времени, как творчество Шекспира. Его пьесы и выведенные в них характеры обладают исключительной емкостью. Самые разнообразные сценические толкования пьес и образов Шекспира оказываются законными, но при одном неперемennom условии: если они не вступают в противоречие с общей гуманистической направленностью шекспировского творчества.

И нужно отдать справедливость нашим гостям: в их спектаклях гуманистическое начало, дух подлинной человечности, ненависть ко всем проявлениям деспотизма и несправедливости, высокая моральная требовательность Шекспира звучат громко и отчетливо.

Основным достоинством спектаклей Шекспировского театра является их глубокая реалистичность. Поэтическое начало в них раскрывается в правдивом изображении вполне конкретных, земных, жизненных явлений. Следует отметить необычайно бережное, любовное отношение театра к авторскому тексту и тщательность, с которой разработана внешняя сторона спектаклей — декорации, костюмы, освещение, музыкальное оформление, а также пластическую выразительность мизансцен.

Особенно сильное впечатление производит оформление спектакля «Ромео и Джульетта» (режиссер Глен Байам Шоу). Здесь изыскство

линий и форм вместе с прозрачной нежностью красок превосходно гармонируют с характером этой самой поэтичной трагедии Шекспира.

Серьезным достижением Шекспировского театра является его благородное стремление к преодолению установившихся штампов и ложных традиций в трактовке образов. В этом отношении самым значительным явлением нам представляется творчество Дороти Тьютин, особенно в роли Джульетты.

Впечатление от ее первого появления в этой роли — впечатление полнейшей неожиданности. Вместо привычного ангелоподобного существа с белокурыми волосами перед нами угловатая девушка-подросток с озорным мальчишеским лицом, вздернутым носом, широким ртом, с копной рыжих волос, низким глуховатым голосом и порывистыми движениями. Однако первая секунда категорического протеста и неприятия быстро сменяется у зрителя острой заинтересованностью, а потом он уже до конца спектакля не может освободиться из-под власти сценического обаяния актрисы. Ее темперамент, непосредственность чувств, естественность в проявлении душевных порывов захватывают и покоряют.

Непонятно только, почему эта страстная, сильная девушка так безропотно, невозмутимо воспринимает факт смерти Ромео в конце спектакля. Это вступает в противоречие с правдой и вносит какую-то пессимистическую ноту в финал по-разному светлой, удивительной по своему оптимизму трагедии, где любовь оказывается сильнее смерти.

Немало яркого и интересного показала Дороти Тьютин и в других ролях. В прелестном спектакле «Двенадцатая ночь», поставленном молодым режиссером Питером Холлом, она очаровательна в роли Виолы, а в роли Офелии волнует искренностью и глубиной своих переживаний. Но сцена безумия, сыгранная актрисой мастерски, пока-

залась нам трактованной чересчур натуралистично. Это снижает поэтичность образа Офелии.

Говоря о преодолении штампов в трактовке образов, нельзя не упомянуть также о Ромео в исполнении Ричарда Джонсона. Его Ромео привлекает простотой, естественностью, непринужденностью, мужественностью — качествами, которые характеризуют его как «хорошего парня», а не как сладковато-сентиментального любовника, с которым мы так часто встречаемся в постановках этой трагедии.

В спектакле «Двенадцатая ночь» мы столкнулись с неожиданной и в то же время очень убедительной Оливией в талантливом исполнении Джеральдины Макюэн, которая вместо обычной холодной красавицы раскрыла перед нами образ очаровательной ханжи, одновременно кокетливой и своенравной, страстной и капризной, наивной и настойчивой.

Гастроли наглядно продемонстрировали талантливость коллектива Шекспировского театра, наличие прекрасного актерского ансамбля. Так, например, нельзя не вспомнить о превосходной кормилице в «Ромео и Джульетте» — Анджеле Бэддели, которая умеет сочетать яркость комедийных красок с большой мягкостью, сердечной теплотой и глубоким ощущением народности этого образа; о весьма изысканной даме синьоре Капулетти в исполнении Кемисон и ее более земном супруге в исполнении Марка Дипозма. Особенно хочется отметить исполнение ролей Тибальта (Рон Хэддрик) и Меркуцио (Эдуард Вудвард).

Очень хороша в «Двенадцатой ночи» компания, состоящая из веселого толстого бездельника сэра Тоби (Патрик Уаймарк), дурака Эйгичка (Ричард Джонсон) и маленькой вострюшки Марин (Миранда Коннелл). С серьезным юмором сыгран Фест актером Сирилом Лакхемом.

Важнейшим достоинством актер-

ского исполнения в Шекспировском театре является благородство вкуса, проявляющееся в простоте исполнения, сдержанности, скромности, чувстве меры. Артисты мемориального театра, по-видимому, отлично усвоили указание, которое, обращаясь к актерам, высказывает Шекспир устами Гамлета: «...я самым потоке, и буре и, я бы сказал, в смерче страсти вы должны стяжать и усвоить меру, которая придавала бы ей мягкость».

Однако в то же время хочется спросить, не перегибают ли иногда актеры Шекспировского театра палку в обратную сторону? Ведь Шекспир предвидел и такую возможность, когда к сказанному выше прибавил: «Не будьте также и слишком вялы...» И вот, смотря «Гамлета» и восхищаясь рядом моментов, связанных с мастерством постановщика, с работой художника и игрой артистов, я иногда невольно задавал себе вопрос: не слишком ли спокойной развивается действие пьесы? Почему многие важные события проходят без надлежащей эмоциональной оценки со стороны действующих лиц?

Майкл Редгрейв — отличный актер, обаятельный и тонкий. Но его Гамлет нас не вполне удовлетворил. Традиция исполнения этой роли в русском театре, зарождение которой связано с именами Белинского и Мочалова, отвергает представление о Гамлете, как о человеке с слабым, нерешительным, безвольным. Для нас Гамлет — человек с темпераментом бунтаря, с умом дерзновенным и глубоким, стремящимся проникнуть в тайны тайн. Гамлет перерос свою эпоху, он со своими мечтами ушел далеко вперед, в будущее и, однажды увидев это, пришел в ужас перед той бездной, которая образовалась между ним и окружающей его действительностью. Это ужас и отчаяние гения, а не страх и беспомощность ребенка, как это выглядит в исполнении Майкла Редгрейва. Нельзя, нам кажется, раскрыть

образ Гамлета, не показав его характер в движении, в развитии. Если в начале пьесы Гамлет подвижен, полон противоречий, то к концу трагедии он должен приобрести силу и твердость, то мужественное спокойствие, какое подобает воину и мудрецу. Этот процесс показан исполнителем недостаточно отчетливо.

«Гамлет» на сцене Шекспировского мемориального театра — спектакль очень красивый, в нем много прекрасных мизансцен и режиссерских находок. Но в нем недостаточно вскрыты характер Гамлета и характеры некоторых других персонажей, взаимоотношения между ними.

Прежде всего следует упомянуть здесь о досадной недооценке роли короля Клавдия. Он не является в спектакле движущей силой, пружиной всех злодеяний, великим мастером лицемерия и притворства. Поэтому в спектакле нет и не может быть острого единоробства между Гамлетом и Клавдием. Гамлету, в сущности говоря, не с кем бороться.

Сильно снижен в спектакле и образ Горацио — друга Гамлета, передового человека и мыслителя своего времени. Если актеру Ронгу Хэддрику удалось отлично сыграть роль Тибальта, то над образом Горацио ему еще предстоит большая работа. Не вполне ясен и образ королевы. В ее отношениях с сыном недостает материнской нежности, любви, а в отношениях с королем — страсти. Мы не видим также и терзаний ее совести.

Подводя итог впечатлениям от всех трех спектаклей, хочется сердечно поблагодарить наших гостей за доставленные нам минуты истинного и глубокого наслаждения. Знакомство с работами мемориального театра будет содействовать углублению наших собственных поисков выразительных средств при воплощении на сцене шекспировских пьес, которые в нашей стране пользуются глубокой любовью.

Борис ЗАХАВА,
народный артист РСФСР.